

Александр Толубко
“Взрос гетства
новестъ”

Александр Алекс

Вкус детства

«Автор»

2020

Алекс А.

Вкус детства / А. Алекс — «Автор», 2020

Вкус детства – у каждого он свой. Это зависит еще и от эпохи, в которой живет человек. Эпоха героя этой книги – послевоенное время, а с ней и разруха в стране после войны, титанические усилия народа на восстановление нормальной жизни в стране каждому ее гражданину... Его мои сверстники тогда росли, как придорожная трава, воспитателем была улица, а родителей заменяли казенные учреждения – интернаты, детские дома. Это поколение отстроило города, подняло экономику. И, как во все времена, молодые учились, влюблялись, создавали семьи, воспитывали детей. А вместе с тем, поднимали ДнепрогЭС, Целину, осваивали БАМ, Космос. Сколько интересных людей, столько и судеб. Автор этой истории рассказывает с болью, а то и с философским отстранением, порой с юмором о своем неповторимом детстве, неотрывно от событий, происходящих вокруг. В нем есть моменты коллективного портрета сверстников и той эпохи. Загляните в этот мир – он не оставит вас равнодушным.

© Алекс А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конфета	5
Крещение	6
Рождественские колядки	8
Эх, саночки	10
О предках и метаморфозах	12
Виктор	14
Николай	15
Сладкая жизнь	17
Любовь к песне или каменный «гость»	20
Наши самодельные игрушки	23
Секрет электричества	24
Тили-тили тесто...	26
Рогатка	28
Вкус детства	29
Тайна дотов и дзотов	31
Вареники с картошкой	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Алекс

Вкус детства

Конфета

Первое, что я вспоминаю из раннего детства – свою улицу в посёлке, пролегающую вдоль реки Самары. Одноэтажные домики с палисадниками у фасадов, пыльную дорогу летом и привычную грязь с лужами в непогоду.

Как-то в погожий весенний денёк я гулял на улице у калитки, мама белила в палисаднике фасад дома, смотрящий на дорогу одним окошечком, которое поблёскивало на солнце радужными зайчиками.

Наблюдал, как она ловко управляется с побелкой, и самому хотелось поработать щёткой.

На просьбу дать мне поработать, мама предложила найти другое занятие, сказав, что я испачкаюсь, и что мне еще рановато, вот подрасту, тогда она будет рада моей помощи.

Насупившись, стоял и не знал, чем заняться. Но вдруг увидел, как напротив нашего дома скрипнула дверь в высоких воротах, из нее вышел соседский мальчишка. Он был старше меня года на два, мы не дружили, но тот махнул рукой, подзывая к себе.

Я подошёл к соседу, который как-то заговорщицки спросил:

– Хочешь конфету?

Я кивнул. В послевоенное время, да ещё в сельской местности мы не были избалованы лакомствами...

Он сбегал внутрь, выйдя за ворота, вручил мне на зеленой крючковой палочке нечто красное, изогнутое и утончённое на конце, сказав, чтобы я откусил.

Не ожидавший подвоха, я откусил хвостик, чуть разжевал и... ай, ай!

Слёзы брызнули из глаз, во рту запольхало адским огнём. Я заревел.

Соседа это развеселило, он расхохотался, показывая на меня пальцем, приплясывая и приговаривая: «Обманули дурака на четыре кулака!»

Прибежала испуганная мама. Увидев в моих руках стручок красного горького перца, вырвала его, отбросив в сторону. Схватив за руку, быстро отвела домой и стала промывать водой нестерпимо горящий рот.

Так я получил свой первый в жизни урок коварства...

Крещение

Из того раннего периода жизни в памяти осталось ещё несколько важных событий.

Запомнились вечерние молитвы мамы под образами у коптящей лампадки, истовые поклоны.

А однажды мама решила нас с братом Славиком покрестить. Было мне тогда лет пять-шесть. По её настоянию, отец согласился на трудное по тем временам путешествие в соседнее село Платовку, где была единственная церковь на всю округу.

В памяти запечатлелась картинка: мы едем на телеге всей семьёй по оренбургской степи – степи моего детства.

Была поздняя весна или начало лета, точно не помню, всё цвело и благоухало. В тех краях уже к июлю неистовое солнце выжигает траву до обугленного состояния, особенно вдоль железной дороги Оренбург-Куйбышев (теперь Самара). Рядом с «железкой» асфальтовая трасса, появившаяся здесь гораздо позже.

И вот мы едем по грунтовой проселочной дороге, по наезженной колее из красноватой суглинистой почвы.

Я смотрел на нескончаемую степь, на небо без единого облачка, слушал пение жаворонков, восхищался порхающими бабочками и стрекозами, пролетающими мимо нас. Не выдерживая, прыгивал с телеги, пытался ловить их и кузнечиков, бежал за телегой или впереди её.

Хотя мы выехали из дома очень рано, прибыли в село только к вечеру.

Помню озабоченное лицо отца, мечущегося в поисках ночлега, поскольку уже темнело.

Постоя на квартире он не нашёл, всё уже было занято, поэтому мы разместились в большом сарае у церкви, где находилось много людей. Они лежали вповалку на земле на своих подстилках, кто на соломе. Эти люди тоже приехали со своими нуждами: крестить детей, на исповедь, другие повенчаться, приурочив события к церковному празднику, кажется, это была Пасха.

Отец, не мудрствуя, по-крестьянски бросил на земляной пол большого сарая, с соломенной крышей охапку сена, где уже устроилось много приезжих. И мы улеглись на душистой сухой траве. Я лежал и видел, как в распахнутые двери сарая заглядывала луна, наблюдал яркое звёздное небо, ощущал запах остывающего знойного дня...

На этом воспоминания тают. Как крестили, что говорил батюшка, как возвращались из церкви, всё это кануло в небытие...

Не знаю почему, но правду говорят, что родная земля тянет к себе неодолимой силой. Без всякого преувеличения скажу, будучи более взрослым, когда приехал уже взрослым с Кавказа на родину, у меня словно крылья выросли, хотелось кричать от переполняющего душу необъяснимого, щенячьего восторга.

Так было и в последнее моё посещение родных мест в двухтысячном году...

По нашей с женой просьбе муж сестры моей жены возил на своей машине к родственникам, по тем местам, где родились и жили родители жены и ее сестры.

Прибыв на родину их отца – Макара Елизаровича, искупались в озере, где я, ни с того, ни с сего стал кричать утробным криком во всю силу молодых легких. Так мне стало хорошо, невероятные чувства заполнили все мое существо, я кричал и хлопал по воде ладонями. Обеспокоенные родственники смотрели удивленно. Володя, муж сестры крикнул:

– Ты чё орешь, с тобой все в порядке?

Я понял, что выгляжу странно, замолчал. И еще долго плавал, нырял, а они, видимо, поняв мое состояние, терпеливо ждали, пока я охлаждаю свой пыл...

В другой день мы отправились на Соль-Илецкое озеро, посмотреть место, где с давних пор ведётся промышленная добыча соли.

Плавая, принимая солевые ванны. В нем невозможно утонуть, настолько оно насыщенное.

На обратном пути заехали к Виктору – старшему брату по матери в небольшой поселок Сырт, где перекусили и пообщались, поговорили, вспоминая прежние годы.

Не знал я тогда, что это была последняя наша встреча... Я теперь жалею, что не успел задать множество вопросов о родителях, о том, что помнит он и что теперь не даёт мне покоя...

Глупая детская самонадеянная беспечность. В молодости мы еще полагаем, что жить будем вечно, что всё ещё успеем наверстать...

Рождественские колядки

В те же годы запомнилось, как мы на Рождество ходили с ребятами нашей улицы по домам – славить Христа. Под предводительством старших и под завывание вьюги, гурьбой, перебегали от двора ко двору.

Смутно помню тревогу, что не знаю слов рождественской песни, пока не поделился со старшим товарищем своим опасением. Он сказал мне, что это не столь важно, главное, чтобы я открывал рот, пытаясь подпевать, произнося хотя бы отдельные слова.

Стучимся в очередной дом. Нас пустили на порог радушные хозяева. Ребята постарше бодро затянули:

*Коляда, коляда
Отворяйте ворота,
Доставайте сундучки,
подавайте пяточки.
Хоть рубль,
Хоть пятак,
Не уйдём из дома так!
Дайте нам конфетку,
А можно и монетку
Не жалейте ничего
Накануне рождество!*

Малышня, и я в том числе, стояли в общей толпе, подтягивая за старшими. Каждого одаривали, чем могли.

После посещения нескольких дворов, наше пение стало уверенней, и гостинцы обильнее посыпались в карманы.

Какие тогда были гостинцы, я плохо помню, кажется, это были кусочки колотого сахара, перепали так же пирожки с мясом или капустой, а то просто деревенская краюха хлеба, мелкие монеты, очень редко – конфеты.

Всё равно, радости и счастья было не меньше, не то, что у нынешней детворы, которую задаривают дорожущими современными подарками в огромных количествах. Святки для нас были настоящим праздником!

На нашей улице жила и моя крёстная мать, хорошая женщина. Теперь уже не помню ее лица. Эта добрая тётя постоянно звала меня к себе, но я почему-то упорно не шёл, всё откладывал, стеснялся.

Потом мы уехали на Дальний Восток, через четыре года вернулись уже без мамы, оставив ее в дальневосточной земле... И вскоре оказались с братом в детском доме.

После детского дома я неожиданно встретил её на улице.

Мы с отцом возвращались откуда-то домой, он задержался у киоска с пивом. Предложил мне – шестнадцатилетнему, уже работающему парню выпить по кружке пенного напитка.

Мне пиво не понравилось, оно горчило, и я отдал кружку отцу. Сказал, что мне нравится лимонад с настоящим фруктовым сиропом, он и стоил всего три копейки стакан! Но для нас, детдомовских, это было настоящим счастьем. Случалось, нас возили в город на слет хоров или на конкурс. У кого-то оказывались копейки, угощали. Автомат казался настоящим техническим чудом.

В деревне пить его приходилось не часто: купить в магазине бутылку мы не могли, не было денег...

И вот, в тот жаркий летний вечер мы с отцом стоим у киоска, в этот момент появилась моя крёстная. Она сразу узнала меня, хотя я значительно повзрослел и, радостно поприветствовав отца, воскликнула: «Влас Николаевич, крестник-то вымахал, возмужал! На тебя очень похож – ну, просто маленький Влас!»

Повернувшись ко мне, с горестным лицом посочувствовала, сказав, что её подруга, моя мама ушла так рано.

Снова стала звать к себе домой. Я пообещал, но так и не собрался, думая, что ещё успею...

Вскоре уехал из тех мест навсегда, но меня до сих пор преследует чувство вины, что оказался робким, что не понимал тогда, что важное в этой жизни, а что проходящее...

Теперь я, кажется, понял, что останавливало меня. В советской школе нас воспитывали в атеизме, я не понимал слова «крестная». Нам внушали, что религия – «опиумом для народа».

Решился я пойти к этой доброй женщине, многое мог бы расспросить про самого дорогого в жизни человека, она бы рассказала о маме, о её жизни. Как я жалею, что оказался столь глупым, беспечным. Теперь рад был бы каждой крупнице сведений, но узнать о своём прошлом уже не у кого...

Часто по неопытности мы разрушаем за собой мосты, а назад дороги нет...

* * *

Отцу было около пятидесяти четырех, а матери тридцать восемь, когда появился я, а через четыре года братишка Славик.

У родителей до нашего рождения были свои истории: семьи, дети. Поэтому у нас со Славиком есть братья по матери – Николай и Виктор. А по отцу – сестра Люба, три брата (один из которых Алексей, имена двоих других не помню). Видел Алексея десятилетним, когда умерла мама, отец спешно продавал только что отстроенный дом, хозяйство. Мы перебрались к брату по отцу в Благовещенск и жили у него примерно с месяц.

Только к концу года, закончив дела, отец привез нас в поселок, где мы родились, отдав меня на жительство к Виктору, а Славку оставил при себе, удачно найдя вдовушку с домом.

Я пошел в четвертый класс, а Славика согласилась воспитывать мачеха.

Позже он мне рассказывал, что она за всякую провинность ставила его на колени в угол на горюх. А ему-то всего было четыре года...

Виктору я тоже был не в радость – еще один рот, своих – трое девчат, мал-мала меньше.

Отца пилила мачеха, быстро утолив жажду материнства, у нее никогда не было своих детей, а начинать любить чужих в возрасте за семьдесят, явно было поздно.

Батя поддался давлению: отвез нас за полторы сотни километров в детский дом, который находился в селе Елшанка, недалеко от городка со смешным названием Бузулук.

Эх, саночки

Когда мне было года три, ещё до рождения младшего брата, с родителями жили мамыны сыновья, подростки Виктор и Николай.

Кроме имени их отца я ничего о нем не знаю, видимо, не от хорошей жизни мама сошлась с моим отцом, но будучи уже старше, я никогда от старших братьев не слышал ничего худого о нашем со Славкой отце.

Родителям приходилось кормить всю ораву, отец где-то работал, мама управлялась по дому и хозяйству.

Дом, скорее всего, построил отец, потому что, когда мы переехали на Дальний Восток, он построил практически такой же: одноэтажное саманное здание с соломенной крышей, большие сенцы, рядом – хозпостройки.

Какую живность держали они в Переволоцке – не помню, а на новом месте была корова с телком, овцы, свиньи, гуси, куры.

До переезда старшие братья присматривали за нами с братишкой. Виктор, когда я приезжал уже из Сибири в отпуск на родину, рассказал мне одну историю.

«Сидеть дома, когда ты был еще карапузом целый день нам, братьям-подросткам, было не с руки, говорил Виктор, – хотелось на улицу, на реку, к друзьям.

Однажды, в зимний солнечный денёк, когда родителей дома не было, мы с Колькой решили отправиться на большую горку кататься на санках, где собиралась вся окрестная детвора.

Улица, на которой мы жили, пролегла вдоль реки Самары на возвышенном левом берегу.

Когда-то в этом месте река текла широким и полноводным руслом. Со временем сильно обмелела от края воды до прежнего берега, сбегавшего пологим долгим сходом, образовалась широкая коса, зимой служившая полигоном для ребячьих игр.

Итак, мы спешим, весело болтаем о свои делах, санки весело катятся, поскрипывая на сухом снегу.

Вдруг Коля сообразил, что его руке стало легко везти санки. Обернувшись, увидел, что они едут полозьями вверх без пассажира.

Брат понял, что я «потерялся» и, крикнув: «Шурки нету, давай назад!», побежал назад. Вскоре я нашелся. Лежал недалеко за поворотом дороги, уткнувшись лицом в снег, укутанный с головой в полушубок.

Лихо подкатив, Коля развернул сани, братья водрузили меня на место и продолжили путь. А, чтобы я не вывалился снова, привязали к саням верёвкой, которая была заранее предусмотрительно намотана на санки.

Когда до горки оставалось совсем немного, Коля вновь почувствовал, что с санями что-то неладно: они стали слишком тяжело катиться.

Оглянувшись, увидел, что они перевернуты полозьями набок и едут вместе со мной.

Мне это явно не нравилось, хотя я не мог протестовать: в полушубок снова набился снег. Он попал в рот, за шиворот, я задыхался.

И потому, как только я смог набрать в лёгкие воздуха, с возмущением возвестил о том округу громким ревом.

Мы с Колей, – продолжал рассказ Виктор, – решили разделить: он по-прежнему тащил санки за верёвку, а я толкал их сзади.

На горке давно уже кипели мальчишеские страсти. Ребяшня с азартом атаковала склон, носилась сверху вниз на разных подручных средствах – жестянках, фанерках, досках.

Мы с Колей по очереди сажали тебя позади и скатывались вниз, ветер и снег летели навстречу».

Виктор рассказывал это с молодым азартом, словно только что вновь пережил прошлые забавы.

Почему именно это вспомнилось ему, не знаю, но теперь и я вижу в памяти эту картину, словно сам помню эту историю.

О предках и метаморфозах

Мои предки родом с Кубани. Дед, по словам отца, был конезаводчиком. Жили они вполне зажиточно.

Расскажу об одном эпизоде из жизни отца. Мне удалось выудить у него кое-что после детдома.

На верхней части его головы был глубокий синий шрам, заканчивающийся у лба. Мне страшновато было смотреть на него, но я решился спросить о нем, и он ответил просто, как о чём-то будничном, что это «память от бати, оставленная молотком...».

И, видя недоумение в моих глазах пояснил: «Когда я был подростком лет шести, отец решил отремонтировать входную дверь с улицы в сенцы.

Снял её с петель. Закончил ремонт, оставалось прикрепить к косяку. Поставил меня на стул и велел придерживать дверь. Я стоял на шатком стуле и с трудом держал тяжёлую дверь, подпертую снизу кирпичом.

Налетел порыв ветра, дверь вырвалась из рук и упала на моего отца, видимо, больно ударив.

В сердцах старый казак, не раздумывая, запустил молоток в «непутёвого» сына. Молоток, как томагавк индейца, описав дугу, попав в переднюю часть черепа, чуть выше лба...»

От ужаса я онемел, представив эту картину...

Что тут сказать? Это показалось мне дикостью. Любой нормальный человек возмутился тоже бы и был бы тысячу раз прав.

Я тогда промолчал, не зная, как реагировать на дикую выходку своего деда, осознав всю трагичность ситуации гораздо позже. Отец же говорил спокойно о той давней истории, о том в прямом смысле ударе «судьбы», оставившей свою зарубку на голове отца...

Можно ужасаться подобным приступам бешенства и диким нравам того времени, но история, как говорится, не имеет сослагательного наклонения.

Слава богу, он выжил... Заботливый уход матери, моей бабушки (о которой я не знаю ничего, даже имени) всё-таки сохранили Власа.

Не судьба ему погибнуть от молотка, не погиб он и ещё во многих передрыгах того времени, прожив долгую и трудную жизнь. Просто однажды пришло время, и он ушел из жизни в возрасте то ли семидесяти девяти лет, то ли в девяносто один. Его возраст называю со слов Виктора, так сказал мне брат, когда я спросил у него год рождения отца: он назвал дату – кажется 1896 или 1894 годы. Понадеялся на память, а она подвела...

По такой жизни это все же неплохо. Время было суровым: войны, репрессии... Тут и подумаешь: насколько всё относительно в этом мире.

Или всё predetermined?

По малолетству я не расспрашивал отца о его жизни, а ведь мог узнать много чего. Достались тому поколению и невзгоды, и радости. Революция, Гражданская война, коллективизация, раскулачивание, ссылка...

Гораздо позже мне захотелось узнать, как занесла судьба его с Кубани на Дальний Восток?

Под Благовещенском, в селе с простым русским названием Михайловка жил Влас Николаевич сначала со своей первой женой и детьми.

Сбежал ли потом от первой жены в Оренбургскую область или она умерла, и он поехал искать счастья в наши края? Это уже навсегда для меня останется тайной.

Вспомнился ещё один рассказ отца.

Однажды он простудился и потом, как следствие, сильно болел всю жизнь, как он говорил, бруцеллезом.

Было это зимой. Отец пришёл поздно вечером с какой-то вечеринки. Еле держался на ногах, но, говорил, что знал всегда твёрдо – надо дойти до дому.

И зайдя в хату, свалился на пол, как раз головой к приоткрытой двери...

Всю ночь так и проспал. А под стоячий воротник полушубка задувал сквознячок. Жена даже не удосужилась разбудить или хотя бы оттащить в сторонку.

И потом всю жизнь мучился по ночам болями, не спал. Днём же чувствовал себя относительно нормально.

Встретив мою будущую мать Елену Михайловну, он стал отцом еще двоих сыновей – нас со Славиком.

Думаю, разрываясь между первой и второй семьями, он вскоре оставил нас и уехал к первой, пообещав вызвать нас к себе, как только обустроится.

В нашей стране многое было и есть такого, что покруче шекспировских трагедий. Можно взять любой кусок истории России – сплошные метаморфозы, в которых блуждали, пропадали или, наоборот, выживали чудным образом миллионы соотечественников.

Нет нужды напоминать о всех перипетиях и бесконечной чехарде событий в истории нашей многострадальной Отчизны...

Мы с братом были маленьким, когда пришло письмо от отца, и мама тут же собралась в дальнюю дорогу.

Каково было матери, уже немолодой тогда оставаться с двумя малыми детьми, не считая старших, которые тоже не до конца были устроены в жизни.

К счастью, отец оказался человеком слова.

И вот мы отправились через пол страны в невиданные места, на очень Дальний и загадочный Восток.

Удивительно, но мама доверилась отцовскому письму, бросив худой, но свой домишко, и отправиться к чёрту на кулички...

Виктор

Брат по матери Виктор Прокофьевич, после нашего отъезда на Дальний Восток, вскоре тоже переехал к нам на житьё. Он был предпризывного возраста и устроился на работу пастухом в колхоз, ожидая обещанную работу на машине. Но не дождался и был призван в армию.

Через год, на службе у него обнаружили огромную опухоль в голове. Врачи вынесли смертельный приговор.

Помню смутно про разговоры родителей, их переживания. Но неожиданно нашёлся светила-профессор, в порядке эксперимента он прооперировал и удачно, жизнь брату спасли, но комиссовали вчистую.

Перед этим с нашей родины неожиданно прибыла его невеста Галина, обещавшая ждать любимого, но Виктор, возможно, узнав о своем состоянии, не писал последнее время, не желая расстраивать любимую. И вот она сама примчалась, жаловалась маме, что ей тяжело ждать, но узнав, что Виктор в госпитале, отправилась в часть к своему избраннику.

Вернулась снова чем-то недовольная, высказывая родителям какие-то претензии. Кажется, она была беременной. Побыв немного, уехала на родину.

Вскоре появился спасенный и счастливый брат. Он любил Галину и умчался за ней.

Молодые поженились, и всё у них поначалу складывалось хорошо, о чем можно судить по появившимся трем дочкам, почти погодкам.

Виктор в армии стал классным шофером, и на родине повезло, он стал возить Первого секретаря райкома, приобрел авторитет у начальства, получил домик с печным отоплением, где мне пришлось пожить пред детдомом. Потом он добился благоустроенной квартиры.

То ли с жиру, то ли от глупости, уже после того, как они забрали меня из детдома, достигшего шестнадцати лет, Галина, работая уборщицей в райкоме, куда ее устроил муж, пошла на супружескую измену, связавшись с каким-то райкомовским хлюстом.

Брат, узнав об этом, все же пытался образумить супругу, но она обманывала его.

С отчаяния, бросив работу, семью, уехал в Казахстан крутить баранку огромного «Белаза» на урановом руднике.

Галина, поняла, что сделала глупость, оставшись с тремя детьми, и через некоторое время помчалась с ними к мужу.

Вновь склеенное семейное счастье длилось недолго, хотя Виктор, вроде и простил супругу, делая всё, чтобы жизнь наладилась, старая история повторилась.

Устроил её на не пыльную работу – в тепличный комплекс по выращиванию цветов... Хорошая зарплата, дети в детском саду.

У Галины вновь появилось свободное время, и возникли старые проблемы, связанные еще и с алкоголем...

Виктор в отчаянии снова уехал от них, возвратившись в Оренбургскую область, устроился на работу в другой поселок с интересным названием – Сырт, что недалеко от областного города, сошёлся с многолетней вдовой, у которой своих было четверо.

Галина же, потеряв последнее чувство приличия и контроля над собой, запила, её уволили с работы, и она вернулась на родину, чтобы оставить Виктору трёх дочерей...

К сожалению, я не знаю дальнейшую её судьбу...

Виктор достойно сумел поднять на ноги свою многодетную семью, его родные дети – прекрасные девчушки и сейчас поддерживают со мной связь по интернету...

После возвращения с Дальнего Востока полгода я жил в их семье. Они работали, порой оставляли девочек со мной. Мне было лишь десять лет. Я исполнял все наказы Галины: кормил приготовленной едой малышей, менял пеленки, играл с ними. Оказалось, этого было недостаточно: нас с братом всё равно отдали в детдом.

Николай

Николай Прокофьевич – старший брат по матери, отслужив в Белоруссии, привёз с тех краёв красавицу-жену Валентину. У молодых родились дочка Надя и сын Коля.

Жизнь не очень благоволила Николаю. Она была отравлена чрезмерной ревностью супруги.

Зная Николая, уверен, что все это было лишь в воображении его жены. Всю жизнь он проработал водителем на «скорой помощи». Трудяга до мозга костей и прекрасный семьянин. Построил собственный дом, несколько месяцев мне довелось пожить и у них после детдома, когда ушёл сначала от Виктора, потом от отца с мачехой.

Повторилась та же история: сначала всё было прекрасно, потом от снохи посыпались претензии на недостаточность квартплаты, а с ними и оскорбления. Пришлось снова искать квартиру. Меня пустила к себе женщина с какую-то глиняную хату на берегу Самары, у которой тоже были дети, я с ними купался в реке, мы ловили рыбу в свободное время. Как-то, помню, с дури поймали гуся на берегу и поспорили – утонет он или нет, если его подольше подержать под водой.

Как мы ни пытались, он все равно не утонул...

Жена Николая умерла рано, не знаю от чего, я уехал уже в то время в Сибирь со своей девушкой. Мы шутили: как декабрист. Ее после учебы направили на отработку. Мне уже никто не пытался помешать, отговорить, я практически не общался со своими родственниками.

О смерти Валентины мне сообщили не сразу, гораздо позже. Недолго прожил и их младший сын Коля, умер от диабета, будучи совсем молодым. Не соблюдал режим, начал пить...

Судьбу Надежды и вовсе не ведаю. Переписки с Николаем у меня не было. Он не любил писать, мне было тоже не до писем на новом месте.

Помню, когда мы с женой приехали из Сибири в свадебное путешествие после регистрации в ЗАГСе на свадьбу, у её родителей, сидя за накрытым столом, выпивший Николай жаловался мне, что его все игнорируют... Ему хотелось бы чаще общаться с нами, но из-за Валентины вынужден был сдерживать себя.

Расчувствовавшись до слёз, говорил, что даже с Виктором почти не общается.

Погиб Николай Прокофьевич ужасной, нелепой смертью, будучи уже на пенсии.

Представляю, как одиноко было ему, когда умерла его любимая и мучительница. Он остался совсем один и все чаще стал навещать к Виктору в Сырт.

Однажды, после встречи Нового года у брата, возвращался он на своём «Запорожце» домой. Въехав на высокий железнодорожный переезд, стал спускаться с другой стороны насыпи. «Зюзик» заскользил по гололёду и свалился с крутого обрыва, метра на полтора вниз...

Зимы в Оренбургской области бывают суровыми, а «сервис» даже на железной дороге тогда был никаким, дороги даже на переезде успели, наверно, посыпать, вот и случилось непоправимое.

Водительская дверца от падения распахнулась. Она, как известно, у старой модели «Запорожцев» открывается так, что встречным ветром при езде ее может заломить в обратную сторону.

Но двери во время езды никто, конечно, не открывает, хотя позже конструкторы все же изменили крепления, теперь, даже во время движения машины, открытую дверь встречный поток воздуха обтекает, стремясь как бы закрыть. Но конструктивные особенности двери и переднего расположения багажника сыграли катастрофическую роль в судьбе моего брата: из багажника, тоже открывшегося во время падения машины, выпал незакреплённый аккумулятор и ударил своим углом вывалившемся из машины брату в висок...

О трагической гибели Николая Виктор мне тоже не сообщил. Об этом я узнал спустя год, когда с женой снова приехал в отпуск к родственникам.

О братьях по матери и по отцу я думал, будучи уже в состоянии осмыслить их роль в моей жизни.

Братья по матери не отказались от нас напрямую, как это сделали дети по отцу, но и не очень-то мы значили что-либо в их жизни. Они вспомнили обо мне, когда я нужен стал им, а нужен оказался только тогда, когда смог работать, принося им выгоду.

Два года, выйдя из детдома, я трудился на заводе, зарабатывал по тем временам хорошие деньги, работая сдельно, получал до 250 рублей в месяц, когда у отца была пенсия в 19 рублей.

Мне не жалко было отдавать все до копейки, я не понимал, что несу для них «золотые яйца», лишь бы кормили, одевали и ладно.

Мачеха сама назвала сумму в сорок рублей, а потом и другие называли эту же цифру, поначалу считая ее достаточно неплохой. Но алчность через какое-то время брала свое, видимо думали, что я уступлю, и буду также отдавать все, как Виктору вначале.

А я, уйдя от него, понял, что нужно самому как-то приодеться, скопить на черный день немного, уже не хотелось быть бессеребряником.

Позже это помогло мне, слава богу, не пришлось во время переезда садиться на шею своей девушки...

В судьбе Славки они вообще не принимали участия. Когда он отслужил в армии и приехал на родину, они не приютили его. Ему пришлось срочно подыскать женщину с квартирой и в «довесок» получить двух неродных детей.

Вот тогда почему-то выиграло ретивое у Виктора, он «пожалел» молодого парня, надевшего себе «хомут» на шею, хотя по его умозрению мог бы найти девушку без «приданного».

Виктор написал мне о своей обеспокоенности, и предложил вызвать брата к себе, чтобы разрушить его «порочную» связь.

Послушав его, я всю жизнь теперь думаю: имел ли право вмешиваться в судьбу брата? Вопрос, конечно, риторический...

Сладкая жизнь

Вернусь к началу своего повествования, к тому, как отец встретил нас в Благовещенске. Выгрузившись с поезда, мы встали у какого-то фонтана без воды, ожидая отца. Мама, поглядывая по сторонам, волновалась, время летело, казалось, прошла целая вечность, а его всё нет...

Примерно через полчаса он все же появился, и мать кинулась навстречу.

Оказалось, паром через реку Зею пришёл с опозданием.

Все же радость встречи сняла напряжение. Мы тут же сели на паром и отправились на другую сторону реки.

Там ждала нас повозка – лошадь, запряженная в телегу, и мы отправились к месту своей новой жизни.

Вскоре прибыли в село Волково, оттуда оставалось ехать ещё девять километров. Но вот и место нашего проживания.

Отец, видимо, заранее нашел место обитания, оно оказалось в глухом селе под названием Грибск. Здесь уже договорился о работе и жилье, ему выделили комнату в колхозном бараке.

Мама по приезде устроилась в школу техничкой.

Со следующего лета отец с матерью начали строить собственный дом на заброшенном пустыре. Я пошел в первый класс в смешанную группу разновозрастных детей. Из-за малокомплектности дети от первого до четвертого классов учились в небольшом одноэтажном здании, где всех вела одна учительница.

Пара парт первоклашек, дальше – второй, третий и четвертый классы.

Всего – человек пятнадцать.

Мне запомнился первый урок, когда молодая учительница попросила первоклашек взять карандаши и стала показывать, как писать в тетради палочки.

Я старательно повторял за ней и не заметил, как ко мне подошла учительница и строго спросила:

– Тебя как зовут, мальчик?

Я бойко ответил:

– Шурка (так звал меня отец).

Она поправила:

– Так не годится. Ты – Александр, Саша, мы все так тебя будем называть, хорошо?

Я не возражал. Она продолжила:

– И с сегодняшнего дня ты будешь писать только правой рукой. И переложила мой карандаш в правую руку.

Мне почему-то стало стыдно, казалось, все смотрят на меня и ухмыляются...

Однако с тех пор я пишу только правой, хотя от рождения левша.

В этом есть и своя польза: научился чередовать руки в работе.

В детстве я был непосредственным и подвижным. Во время урока мог громко засмеяться, встать, пойти по рядам, выясняя с кем-то отношения.

К сожалению, не запомнил имя первой учительницы. Когда пообвык в классе, осмелев, стал вести себя нестандартно... Порой вскакивал за спиной проходящей учительницы, перерывал её жесты. Изображал, как мне казалось, её мимику, жестикулировал, как она.

Ребята взрывались смехом, она быстро оборачивалась, заставляя меня за этим неблагоприятным занятием, пыталась урезонить, но увещевания не помогали. В наказание ставила в угол.

Ребята прозвали меня «артистом».

О моем недостойном поведении узнала мать, поскольку виделась с преподавателем каждый день.

Мама не стала меня ругать, усталым голосом она попросила меня вести себя прилично. Я пообещал...

Не припомню ни одного случая, чтобы за провинность она хотя бы раз повысила на меня голос. Совестила – да, говорила, что сама не смогла получить образование, теперь вот надеется, что я буду хорошо учиться, а я подвожу её...

От ее глуховатого голоса мне становилось не по себе. Слезы моментально наворачивались на глаза, я прижимался головой к её животу, и она же успокаивала меня.

Проходило какое-то время, я забывал свои слёзы, и опять выкидывал в классе какой-нибудь номер.

В малокомплектной школе учительнице приходилось каждого опрашивать, давать отдельные задания.

Учился я слабо, малограмотные родители не могли проконтролировать домашние задания, а за моё поведение часто приходилось краснеть маме.

Отцу она не жаловалась, он пропадал на работе, а то и вовсе исчезал на какое-то время... Думаю, навещал своих старших детей в другом посёлке.

Мама переживала, украдкой плакала, мы были в полной отцовской власти...

Не припомню случая, чтобы с её уст сорвалась жалоба ни на трудности, ни на своё здоровье. А, между тем, здоровье её было уже сильно подорвано, однако она тянула лямку, как большинство русских женщин в те нелёгкие годы.

Наверно и я, чуть повзрослев, к третьему классу стал понимать, что сильно огорчаю ее. Я очень любил свою усталую мамочку, старался не огорчать ее лишним раз.

Отец и не вмешивался в процесс воспитания, но однажды всё же «угостил» меня широким ремнём. Не за успеваемость, а по другому поводу. Отлупил за очередную шалость, граничащую с серьёзным проступком.

Было это так. В свободное время, как все мальчишки той поры, мы бегали по селу и окрестностям, играли, находя сами себе занятия.

Однажды, поздней осенью кому-то из ребят взбрело в голову полакомиться мёдом из колхозных ульев, приготовленных на зимовку.

Улья с пчёлами были установлены в обычной земляной яме, рядами друг на друге во дворе колхозного тока и накрыты толстым слоем соломы.

Пчёлы зимовали так и в другие годы, руководство колхоза, видимо, не предполагало, что кто-то из сельчан решится пойти на разор или воровство.

Помню, автор этой идеи – пацан постарше привёл нас и показал, где разрыть солому. Вёл он себя уверенно, принёс железку вроде гвоздодёра и сам вскрыл улей, другой, третий...

Мы вначале с боязнью, потом смелее вытаскивали рамки, стряхивали сонных пчёл и ели душистое лакомство.

Наевшись, стали дурачиться, мазали мёдом друг друга.

Мне кто-то сзади надел рамку на голову. Измазанный с ног до головы, я выглядел ужасно, но в силу возраста и всеобщей эйфории не отдавал себе в этом отчета.

Наконец, разошлись по домам, где я вдруг увидел в зеркале своё отражение. Волосы слиплись, лицо и одежда перепачканы. Я был похож на страшилище из фильма ужасов. Понял, что за это мне может сильно перепасть от родителей.

Отмыть липкий мёд никак не удавалось.

На мою беду послышался шум в сенях, по уверенной походке я понял, что это пришёл с работы отец.

Испугавшись, залез под полати русской печи, где у нас хранились ухваты для чугунков, веники, валенки, другие вещи.

На этих полатах спали мы с братом. Долгими зимними вечерами играли в свои нехитрые игры.

Отец с порога почему-то сразу спросил братишку: «А где Шурка?»

Славик бесхитростно указал на моё укромное местечко.

Заглянув под полати, отец вытащил меня на свет божий. То, что он увидел, его взбесило. Таким я его никогда не видел.

Выругавшись матом, чего раньше тоже от него мы не слыхивали, вытащил широкий ремень из брюк. Взяв меня, как котёнка, за шиворот, сунул голову между ног и стал хлестать, приговаривая: «Будешь помнить, как шkodить, паршивый кот!»

Не выдержав, я стал кричать от боли.

Возможно, он уже знал о разоре на току, предположил, что все прошло не без моего участия. Всыпав «горячих», отведя душу, отец заправил ремень в брюки и посчитал процесс воспитания законченным.

«Что такое хорошо и что такое плохо», как у Маяковского мы постигали на практике. И для меня этот отцовский урок запомнился навсегда. Слава богу, он не был частым, я рано вырос и начал соображать, что не все дозволено, что хочется.

Теперь другие методы воспитания, но нас тогда одно упоминание о ремне отрезвляло лучше многих слов, стоило отцу только заикнуться...

Любовь к песне или каменный «гость»

В редкие свободные часы, вечером после ужина, отец словно преображался, делая что-то по дому. Иногда, отложив бесконечные домашние заботы, мастерил для нас со Славиком игрушки из дерева, мурлыча под нос украинские песни.

Уже тогда я пытался подпевать отцу. Запоминал отдельные фразы. Ему моё старание явно нравилось, он поощрял этот творческий порыв. Бывая в хорошем расположении духа, сажал на колени, и мы пели с ним в полный голос.

Старался я от всей души, отец гладил мою голову и говорил: «Молодец, голос у тебя, сынок, правильный. Наша порода, чисто поёшь!»

Однажды после ужина осенним вечером, после хорошего ужина, сидя на лавке у стола, отец, усевшись за шитьё сбруи для коня, затаил свою любимую: «Ой, ты Галю, Галю молодая...».

Я моментально взгромоздился к нему на колени, сначала робко, потом увереннее стал подпевать мальчишеским дискантом.

Отложив шитьё, отец напевал украинские слова, которые я не понимал, но старательно повторял. Плавно лилась мелодия, в русской печи потрескивали поленья.

Мама, слушая нас, вязала на спицах из шерсти носки или свитера, она всегда что-то делала, но сама никогда не пела.

Трёхлетний братишка сидел на полатах и тоже пытался подпевать, но для него это было слишком сложно.

Когда подрос, помню, распевал я во дворе понравившуюся мне песню о комсомольцах-добровольцах:

*«И снег, и ветер, и-и звёзд ночной полёт,
Меня моё сердце в тревожную даль зовёт...»*

Славик, не зная слов, ещё картавя, тоже выводил мелодию без слов, это звучало в его исполнении так: «Тли-тли, тли-тли-тли-тли...»

Я пытался подсказать слова, но он отрицательно мотал головой и одержимо продолжал: своё «Тли-тли, тли-тли-тли-тли...»

В тот вечер, в самый пик нашего с отцом пения, неожиданно раздался звон разбитого стекла. Через окно на стол бухнулся булыжник примерно с отцовский кулак.

Песня оборвалась... Отец чертыхнулся и мигом выскочил на улицу. Послышались крики и удаляющийся шум, топот.

Вскоре он вернулся мрачный, о чём-то долго говорил с матерью.

Став взрослее, я иногда прокручивал тот случай, размышляя, что же произошло тогда? Наверно, у отца были враги, а, может, это было просто хулиганство?

Происшествие запомнилось ещё и потому, что всё прошло для меня на контрастах: сначала радостная сопричастность с песней, затем – каменный «гость» в окно, прервавший идиллию.

Остался где-то в подсознании внутренний страх и... детская гордость за отца, что он, такой большой и сильный, защитил нас от опасности.

Так получилось, что наши песнопения больше не возобновлялись.

Вскоре отец с матерью достроили дом на заброшенном пустыре, на краю посёлка, завели большое хозяйство – не до песен.

У меня же на всю жизнь осталось ощущение чего-то красивого и светлого в душе. Сколько себя помню – всегда пел. Где-нибудь наедине, в детдоме – в хоре, но певцом не стал, мешала чрезмерная застенчивость.

Об одной песне моего детства хочется рассказать особо.

Однажды, тяжело заболев воспалением лёгких, я попал в соседнее село Волково. В небольшой больничке (в нашем посёлке не было стационара) метался с высокой температурой, надолго проваливаясь в тяжёлый сон, просыпался и снова забывался в бреду.

Меня, конечно, лечили, но этого я не помню.

В памяти остались обрывки: небольшая палата, белые простыни и подушки, железная панцирная кровать. Белые стены и потолок, а на противоположной стороне, у дверной коробки чернела тарелка репродуктора.

В минуты моего просветления, я слышал голос диктора, читающего новости, играла какая-то музыка.

Так прошла целая вечность. Когда жар спал, я стал думать о маме. Хотелось, чтобы она вошла и присела рядышком, но она не всё не приходила. Видимо, дела не позволяли. Дома – животные, птицы, работа...

Вдруг из репродуктора полилась мелодия песни, необычный голос грустил о море, о любви, о расставании:

*С добрым утром, дорогая,
Расстаемся мы с тобой.
И любовь моя большая
Остается за кормой.*

Звуки вибрировали и бились о противоположную стену над моей головой, пульсировали красивым тембром и проникали в самое сердце.

Хотелось слушать и слушать, но песня отзвучала, и вновь заговорил диктор.

Долгие годы эта песня затаилась в моей душе, иногда в полудрёме, ранним утром вдруг всплывали строчки:

*До свиданья, дорогая,
Расстаемся мы с тобой...
Ты налево, я направо,
Так назначено судьбой.*

Просыпался, силился вспомнить, но в голове крутились лишь отдельные строчки.

Вставал и забывал, за делами и заботами было не до того, но она периодически приходила вновь, будоражила моё воображение незабываемой мелодией, красивыми словами.

Намеревался написать письмо Виктору Татарскому на радио, ведущему передачи «Встреча с песней». Слушая исповеди других и песни в исполнении забытых кумиров, надеялся, что когда-нибудь вспомнят и мою любимую песню, но так и не услышал, и не собрался написать.

Как-то, проснувшись ранним утром, долго ворочался от навязчивой мелодии, опять вспоминая слова. Вдруг осенило: можно поискать в компьютере, ведь я могу набрать в поисковике фамилию предполагаемого певца, найти его репертуар...

Искал, но всё не то.

Наконец догадался набрать строчки из песни: «С добрым утром, дорогая...»

Надо же, оказалось, у песни такое же название.

И вот она звучит в моих наушниках. Старая запись – будто слышен даже шум крутящейся пластинки, льётся, клокочет в висках песня в исполнении Владимира Нечаева (композитор – Василий Соловьёв-Седой, стихи Алексея Фатьянова).

Знакомая концовка:

*Даже солнце каждым утром
Ждет свидания с землей...*

*Так неужто, дорогая,
Мы не встретимся с тобой?*

Сильное волнение охватило меня, словно я встретил, наконец, встретил друга детства.

Но друзья стареют, их трудно бывает узнать, а песня из детства, которую слышал однажды, и которая все эти годы жила в моём сердце, вновь зазвучала, словно вернулась из долгой поездки!

Это было непередаваемое ощущение!

Там же нашёл эту песню в исполнении Геннадия Белова. И, как ни странно, его исполнение понравилось ещё больше.

Подобное случается редко. Первый исполнитель всегда, как эталон, а тут – такое vibrato, свободно льющееся пение, словно легкий бриз на море, и аранжировка в песне гораздо красивее.

Теперь она у меня в компьютере и на флешке, и я слушаю каждый раз с замиранием сердца.

Наши самодельные игрушки

Когда отец получил участок под строительства дома, мы очень обрадовались. Он у нас мастер на все руки: плотник, столяр, шорник, мог управляться с лошадьми – вырос в казачьей семье. Наверно, это не все его достоинства, но я говорю лишь о том, что помню и видел своими глазами.

Родители строили дом, мы с братом помогали месить глину с соломой, делать саман.

Однажды, играя с ним в салки, я наступил на скошенную прошлогоднюю полынь, торчащую из земли, словно на острое копьё. Будылина проткнула мне мякоть внутренней стороны ступни до кости. Кровь хлынула ручьём.

Зажав ладонью рану, присел на деревянного коня на колесиках, сделанного отцом нам с братом.

Без страха, но с удивлением наблюдал, как красная жидкость сочится между пальцами.

Славик, увидев кровь, побежал в дом и позвал маму.

Она приказала опереться на её плечо, и я запрыгал на одной ноге, передвигаясь к дому, продолжая зажимать рану рукой.

В сенцах мама подставила самодельное ведро с керосином и велела опустить в пахучую жидкость ногу.

В сельской местности керосин был испытанным средством, служившим своего рода антисептиком и кровоостанавливающим.

Действительно, кровь вскоре прекратила бежать. Мама перебинтовала ногу чистой тряпкой и усадила на лавку.

Рана заживала долго. Рубец же и теперь можно найти на внутренней части стопы, как память о том времени.

Кстати, о самодельном коне на деревянной платформе. К нему отец смастерил ещё и тележку на подшипниках. Можно было впрягать в нее коня с помощью маленьких оглоблей. Всё это легко можно было катить. Я, пыхтя, возил повозку по двору, посадив брата.

Помню ещё, как отец выстругал человечка из липы и, приделав жестяной пропеллер на спину, установил его на коньке крыши. Человечек смешно и резко поворачивался на ветру, вскидывая то одну руку, то другую. Казалось, что вот-вот и он взлетит, потому что шум пропеллера то нарастал, то затихал.

Секрет электричества

Когда мы закончили строительство дома, к нему подвели электричество. Это качественно изменило нашу жизнь – в комнате под потолком засветилась яркая лампочка!

В остальном, мама всё так же гремела ухватами и чугунами в недрах русской печи, извлекавая вкусные борщи, каши; пекла хлеба и пироги.

На плите томились сливки, потому что у нас появилась корова. Зимой родился телёнок. Отец устроил ему загородку прямо в комнате, рядом с нашими полатами. Малыш смешно мычал внутри загородки, звал, наверно, мать-бурёнку, топоча по соломе.

В доме стоял устойчивый запах мочи, телок прудонил прямо на пол.

Ко всему скоро привыкаешь, мы сроднились с малышом, играли, как с членом семьи. Когда же он окреп, его перевели в общий сарай.

Овцы, козы утки, куры, гуси находились под одной крышей с коровой, жевавшей душистое сено или серку.

Отдельно был расположен свинарник с навесом у забора, где хрюкали и визжали свинья и поросята.

Родители много трудились, мы с братом помогали им по мере сил. Уходя на работу или по делам, мама наказывала мне кормить кур, уток и гусей, следить за тем, чтобы для них была вода в корытах. И еще я присматривал за братишкой. Приходилось выполнять и другие поручения.

Мы росли без претензий, не зная ничего другого, кроме крестьянского труда, но порой я находил себе довольно сомнительные игры.

Лампочка под потолком не давала мне покоя, каким образом в ней светится огонёк? Я знал про электричество, что оно как-то бежит по проводам. Но какое оно? Может, она как вода в трубе? Но вода течёт, ей можно умыться, попить. Мне казалось, что там, в тонком алюминиевом проводе внутри есть полость, как трубка, по которой течёт это самое электричество?

Как-то, оставшись дома один, решил проверить своё предположение. Два оголённых провода подходили к фронтому чердачной крыши, закреплённые к белым изоляторам, уходя сквозь стену в дом. Если дотянуться до провода и поковырять его, оттуда, может, потечёт это самое электричество?

В выдвижном ящичке стола взял кухонный нож с металлической ручкой (были тогда такие штампованные ножи с выпуклым узором на рукоятке).

Но чтобы добраться до проводов, нужно было залезть на завалинку, откуда можно попытаться дотянуться до провода. Придерживаясь за стену, попробовал достать, но роста оказалось недостаточно.

Подумав, принёс сделанный отцом небольшой стульчик для дойки коровы, установил его на завалинку и повторил попытку.

Сооружение, на которое я влез, было очень шатким, а завалинка узкая, подставка так и норовила в любой момент перевернуться.

Одной рукой придерживаясь за стену, я осторожно потянулся к проводу и с трудом достал его...

Вдруг случилось что-то непонятное. Меня потрянуло так, что опора под ногами исчезла, и я полетел кубарем с завалинки, шлёпнувшись на траву.

Полежав какое-то время, пошевелился, проверяя – цел ли, но все не мог понять, что произошло? Полное потрясение, хотя все вроде цело, ничего не болит.

Будучи уже более искушённым в вопросах электричества, понял, что случилось тогда. Я получил удар током. Скорее всего, я дотронулся до фазы, а стена была глиняной, сыроватой и я оказался проводником между фазой и «землёй».

Желания повторить свой эксперимент больше у меня не возникало. Зато опыт – «сын ошибок трудных» получил сполна...

Тили-тили тесто...

Помню, возле нашего дома вскоре построились и соседи. Это были знакомые по обществу – семья Морозовых. Их отца я вообще не помню, был ли он, но мать и две дочери – Люба и Вера стали для нас с братом парой для игр.

Наши матери дружили ещё с тех пор, когда мы все вместе жили в общем бараке.

Люба, старше меня на год с лишним, была инициативной и энергичной в играх. Вера – младше меня, но старше Славки.

На новом месте жительства нам стало веселей, родители по праздникам собирались вместе, пили чай, о чем-то беседовали.

Во время наших детских игр девочки назначали нас «мужьями», а они, соответственно, были нашими «жёнами». Мы всегда играли в их дворе, где у нас был закуток в огороде. Они стряпали из земли куличики, готовили нам «обед».

Как уважающие себя мужчины, мы должны были ходить на работу и на охоту.

Для охоты я смастерил рогатку.

Люба заправляла всеми играми, зная, что надо делать. Она командовала нами, распоряжалась, чтобы мы «рубил» дрова, носили из колодца воду, ходили на охоту.

Мы со Славкой охотно выполняли все указания наших «жён», старались подражать взрослым.

Припоминаю пикантный случай, как подружка, когда мы ещё жили в бараке, попыталась меня соблазнить. Мы бегали по комнатам, играя в догонялки, но она вдруг спряталась под одеяло на родительской кровати.

Я «нашёл» её, приоткрыв одеяло, но она потянула меня к себе, ухватив за руку.

Не понимая, чего она хочет, послушно залез под одеяло. Накрыв нас с головой, она неожиданно положила мою руку на свою упругую грудь.

Я обомлел. Меня накрыла волна чего-то безумно приятного, я впервые почувствовал женскую плоть...

Люба снова потянула меня на себя, заводя руку за талию, прошептав, чтобы я лег на неё.

Я струсил, теряя контроль, успел подумать, чем это нам грозит: в любой момент кто-то из взрослых мог войти и застать нас...

Мне было девять лет, но я уже знал, чем занимаются взрослые в таких случаях. Резко откинул одеяло и убежал прочь.

Вскоре, когда мы в летние дни гуляли вместе с ней в окрестностях, она соблазнила меня, скрывшись в густой траве. Я не смог противиться, нам никто не мешал...

Я стал послушной игрушкой в её руках, хотя все это воспринимал больше как игру.

Однажды нас увидела проходившая мимо сельчанка. В тот момент мы просто лежали рядышком и о чём-то болтали.

Шила в мешке не утаишь, вскоре в посёлке пошли слухи. И вот уже сверстники стали дразнить: «Тили-тили-тесто, жених и невеста...».

Мне казалось это обидным, я злился. Поругался со многими и не напрасно, потому что боялся, вдруг узнают родители.

Они и узнали... Отец спросил, правда ли то, что болтают в поселке, что и до него дошли эти сплетни?

Я стоял пунцовой малины, что росла на улице у забора, потупив взгляд, что я мог сказать... И второй раз получил разъяснение о вреде ранних отношений ремнём по мягкому месту.

Стыдно и теперь об этом писать, но, как говорится, из песни слова не выбросишь.

Однако, это ещё не финал моей ранней любви. Через некоторое время, собирая орешки у речки, в глухих зарослях я наткнулся на подружку под местным пастухом – взрослым парнем. Замерев от неожиданности, сначала мне показалось, что пастух насилует её, но вскоре понял, что она стонет не от обиды и боли...

Мне стало ужасно неприятно это. И, словно обезумев, я промчался сломя голову мимо, как бизон, напрямую, кажется, даже наступил на чью-то ногу...

Поняв, что она всё это время манипулировала мной, что я, глупый пацан, был для неё вроде тренировочной площадки, я долго страдал. Думал, может, мне все это привиделось, но вновь вставала картинка в глубине орешника, и становилось мерзко...

С тех пор я возненавидел подругу, стал избегать её. Это было не трудно. С ребятами мы целыми днями бегали по окрестным местам, пропадали на речке, на болотах лазили по трясине, пробираясь к бетонным сооружениям – дотам, наследию военного прошлого во время Второй мировой войны в этих краях с японским милитаризмом.

Предоставленные полной свободе, мы с интересом познавали окружающий мир.

Вскоре ужасное событие в моей семье заслонило все, что происходило до этого – не стало мамы...

Посреди учебного года пришлось прервать учёбу, отец вынужден был продать наш недавно построенный дом, распродать животных, и мы навсегда покинули те края, могилу матери...

В памяти эта история осталась, как детская болезнь, отношения, которые и любовью ещё не назовёшь.

Где-то теперь наши «невесты»? Раскидало нас по огромной России...

Рогатка

Я забежал вперёд. Раньше я упомянул о рогатке.

Сделав её, я решил испытать в деле.

Крадучись вдоль плетня, по-над стенкой избы, я метился в воображаемые цели, стрелял по воробьям и сорокам. Не попадал, но был вполне доволен охотой, хотя дичь не желала быть подбитой.

Вижу, Славик идёт домой от соседей, время обеда – проголодался, не удовлетворившись «жениными» куличами из песка...

Как настоящий индеец, я затаился за забором, прицелился из рогатки, ожидая «бледнолицего». И вот брат оказался в поле досягаемости моего «арбалета». Почти наугад выстрелил и, надо же случиться такой оказии, точно угодил камешком прямо в темечко, хотя расстояние было не меньше десяти метров.

Славка заревел от боли, я бросился к нему, чувствуя свою вину. Увидел кровь на голове, стекающую к виску, потащил брата домой.

Мама приложила к ранке тампон, выяснив между делом, что произошло. Я, как на духу, признал свою вину, за что получил подзатыльник, искренне прося прощения...

Вкус детства

В детдоме мы любили собирать дикую землянику, росшую на лесных полянках. Кажется, и сейчас помню этот запах, её терпкий вкус. С каким наслаждением ел ароматную ягоду, лёжа на боку или животе, подолгу не отползая с удобного места. Раздвигал резные листочки, покрытые утренней росой, рвал и примечал следующую – сочную, сладкую.

Столько душистой, солнечной земляники росло в те времена в перелесках у реки, рви – не хочу! Мы принимали этот природный дар, как должное, запасаясь впрок лесными витаминами.

Так что, название «Вкус детства» вполне можно наполнить «Земляничным вкусом». «Черёмуховым» или «Вкусом медовых яблок». Много было незабываемых вкусов...

Но если все вкусы объединить, то это всё-таки «Вкус детства»! Хотя он бывал не всегда сладким. Вот доказательство тому.

Дальневосточная флора и климат чем-то схожи с климатом Кавказа. На Дальнем Востоке растут маньчжурские орехи, а на Кавказе, они похожи на грецкие, но это несколько другой вид орехов.

Возле нашей деревни росли орешники лещины, сразу за посёлком у речки. К осени в зарослях можно было их собирать мешками. Круглые коричневые орешки, словно в изумрудной оправе, формой похожие на корону. На макушке, в центре «короны» – маленькая проплешина, словно лысый затылок. Под коричневыми скорлупками – спелые ядрышки.

В приморских лесах под Владивостоком, где я служил в свое время в армии, росло много дикого винограда, который мне довелось попробовать. Кислый, но растет без ухода, можно окультурить, что, наверно, и делают местные жители.

Живя под Благовещенском, в лесополосах встречаются заросли чёрной смородины. Ее называли «лесной», но на самом деле это культурные посадки для защиты почвы от эрозии. Растет она без всякого ухода. Взрослые ходили туда и ведрами собирали ягоду на варенье. Какое же оно было душистое и вкусное!

Детвора тоже была не прочь полакомиться лесными дарами, промышляя в сезон.

А ещё в лесополосах росли «финики», так мы называли мелкие плоды на невысоких деревцах (на самом деле, у них было другое название). Их плоды были суховатыми, но сладковатыми на вкус. Серебристо-махровые, с мягкой кожицей, ягоды почти без мякоти, внутри – крупная продолговатая косточка.

«Финики» осыпались, никому не нужны, кроме вездесущих мальчишек, как на Кавказе всюду растет алыча. Набегавшись, мы ели ягоды, чтоб заглушить голод.

Лазили по окрестностям целыми днями, не брезгуя любыми растениями, лишь бы чем-нибудь набить живот. Ходили по полям и лесополосам, выискивая подсолнухи, морковь, ягоды, черемшу (дикий чеснок).

Но больше всего мне нравилось лакомиться черёмухой. Это главная ягода моего детства в тех краях. Она необыкновенно крупная, величиной с дикий виноград, душистая и немного вяжущая и очень сладкая!

Я забирался на развесистое дерево, ел ягоды, сплёвывал косточки, опустошая ветку за веткой, перебираясь на другие.

Огромное дерево черёмухи росло недалеко от нашего дома. Когда-то здесь был плодовый сад. Теперь оставшиеся яблони и груши от старости и болезней почти не плодоносили, а черемуха плодоносила ежегодно, радуя своим урожаем.

Эх, как теперь бы я хотел поест той самой черёмухи, чтобы снова ощутить её неповторимый вяжущий вкус. Вкус детства...

А вот на Кавказе черемухе не подходит климат. Ягоды почти не завязываются, а те, что остаются – сухие, костлявые. Сосед по даче посадил привитое деревце, но оно практически не

плодоносило, а то, что оставалось на ветках, не было похоже по вкусу и близко на черёмуху моего детства.

Может, люди склонны идеализировать лучшую пору своей жизни, каковой, безусловно, является детство, ведь с возрастом всё отчётливее всплывают в памяти именно такие мелочи, которые уже не заменить в сознании никакими другими благами.

Переиначив известную поговорку, я бы сказал о той поре: деревья тогда были больше, а мы – беззаботней и счастливей.

Мы «паслись» на природных «пастбищах», купались в мелкой речушке, ловили странных рыбёшек, величиной с пескарей.

Рыбёшки назывались оригинально – гольяны и ротаны́.

У последних было маленькое туловище, но большая голова и широкий рот «до ушей», жабры, почти вывернутые наружу. Они, даже после жарких летних дней, умудрялись выживать в пересохших лужах, зарываясь в тину и впадая в анабиоз. Но стоило дождю заполнить лужи, и они оживали.

Зимой на болотистых озёрах, в нескольких километрах от нашего посёлка вода промерзала до дна. Поверх льда покрывалом ложился мох. Отвернув слой природного «одеяла», можно было собирать рыбешек.

Перезимовав в таких условиях, они выходили из спячки, отправляясь в плавание, как ни в чём не бывало.

Мы ходили на озёра зимой, собирали рыбёшек в вёдра. Пацаны поджигали камыш и насадив рыбу на палочку, поджаривали её наслаждаясь сладковатым вкусом.

Тайна дотов и дзотов

Эти места известны тем, что здесь проходила война с квантунской армией. Японцы во Вторую мировую захватили приграничный Дальний Восток.

Всюду, в том числе и на наших болотах, настроили дотов и дзотов, подготовив здесь мощный укрепрайон.

Наступление Советской армии освободило не только наши территории, но и Китай, Корею от японских милитаристов, лишив их почти всего вооружения.

Во многих дотах местные жители после находили оружие, патроны, обмундирование.

Стремительное наступление наших войск не дало развязать японским захватчикам химическую и бактериологическую войны, от чего пострадало бы население не меньше, чем от атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки.

Я был маленьким, не знал тогда почти ничего о Второй мировой войне, родители о тех событиях не рассказывали, в школе мы это ещё не проходили.

Дети, есть дети и нам с ребятами было интересно лазить по столь необычным местам среди хорошо сохранившихся бетонных сооружений, заросших полуобвалившихся окопов. В дотах были замурованы кладовые за толстыми стенами и железными дверями, в которых могло храниться всё, что угодно, от тушёнки и других продуктов до боеприпасов и обмундирования.

Некоторые взрослые пытались вскрыть эти склады. Если удавалось, находили в кладовых сапёрные лопаты, патроны, гранаты, клинки от винтовок и консервы...

На взгорках и рядом с дотами ещё долгие годы мы подбирали гильзы и остовы ржавых свидетельств той загадочной для нас войны.

Отца однажды заинтересовало содержимое одного из дотов. На болотах он косил сочную траву для нашей скотины, я помогал ему: переворачивал граблями, валки подсыхающей травы, потом помогал копнить. Высохшее, но очень душистое сено отец перевозил на телеге домой.

В один из пасмурных дней он принёс на болота тяжёлый лом, зубило, молоток и попытался открыть замурованную дверь в доте.

Что могло быть за этой железной дверью? Видимо, он рассчитывал на то, что там есть вещи, пригодные для хозяйства.

Мне тоже было интересно, но страшновато: казалось, что за толстой железной дверью притаились скелеты, или какие-то фантастические существа, вроде огромных пауков...

Однако сколько отец ни бился, открыть дверь так и не смог – сделано на совесть. Без солидной технической подготовки, без автогена, невозможно было проникнуть внутрь за толстые металлические двери и полуметровую железобетонную стену. Тайна для нас так и осталась неразгаданной.

Не знаю, как сейчас, может, уже не осталось тайн, но сами доты и дзоты так просто не разрушишь, да и место это посреди болот мало кого заинтересует. Значит, стоят эти «памятники» оккупации и поныне.

Есть они и на острове Сахалин и других местах, куда ступал сапог японской военщины. Позаросли уже заброшенные аэродромы, поржавела военная техника...

Мне об этих «подарках» рассказывал в нынешнюю бытность в Совете ветеранов знакомый подполковник запаса ракетных войск, служивший в 70-е годы прошлого века. Он написал книжку воспоминаний о той поре, дав её мне на редактирование, но до сих пор так и не опубликовал...

Это его интересная история, повествует о его службе в качестве офицера-ракетчика, о приключениях, и об оставленных военных следах-шрамах на дальневосточных наших рубежах.

До сих пор там встречаются остатки ржавых японских танкеток, машин и прочего вооружения. Есть даже подземные пещеры-хранилища, бункеры, настилы из металла для аэродро-

мов, которые использовались уже находчивыми военными во времена службы моего знакомого.

Во время боев в те годы погибло много наших и японских воинов, стоят безымянные могилы и многие сведения хранятся в ещё засекреченных военных архивах.

Япония и теперь претендует на эти острова. Современная Россия постепенно осваивает эти территории, но по-прежнему всё также буйно цветут травы и цветы на густо политой кровью приморской земле...

Вареники с картошкой

Отец и мама очень рано поднимались утром, мама – подоить корову и отправить её в стадо. Готовила корм и воду птице, разводила баланду свиньям. Отец давал сена овцам и козам, делал необходимые вещи по хозяйству.

Мама готовила завтрак отцу и нам на весь день.

Отец завтракал и уходил на работу в колхозную конюшню.

Мама оставляла мне завтрак, будила, и спешила на работу в школу.

Разве перескажешь всё, что ложится на крестьянские плечи. Но женщине в России всегда доставалось больше, она – хранительница семейного очага...

Несладко тогда было почти всем. Будучи уже взрослым, я осознал, как тяжело жилось родителям, вспоминая, что не видел их и минутку беззаботно отдыхающими, просто сидевшими или лежащими.

Мама родила и воспитала четырёх сыновей, недоедала, недосыпала, лучшее отдавала нам, как большинство матерей.

В неполные пятьдесят выглядела так, как сейчас не выглядят семидесятилетние городские женщины.

Нет, я не осуждаю современных женщин в их стремлении жить в комфорте, об этом мечтали поколения их предшественниц, в этом нет ничего плохого. Но большинство наших мам просто не могли тогда позволить себе иную жизнь, тем более, отдых или какие-то развлечения.

Для каждого ребёнка его родители – самые лучшие, им не важно, как они выглядят по отношению к другим, главное, чтобы были рядом и здоровы.

С детством, а, значит и с матерью меня навсегда связали какие-то памятные мелочи, которые для другого покажутся, может, сущим пустяком, глупостью.

С ней у меня ассоциируются, например, вкус вареников, и затирухи – незатейливых крестьянских блюд, а так же с теми дарами природы, чем богата приморская земля.

Вареники с сырой картошкой и луком для меня и сейчас – самое лучшее блюдо на свете.

Рецепт их приготовления очень прост. Их лепят во многих русских семьях. Делают тесто, как на пельмени, очищенную картошку нарезают мелкими кубиками, добавляя репчатый лук, немного чёрного молотого перца.

После варки лук и картошка выделяют сок внутри. Если сверху положить домашней сметаны или масла, то от тарелки не оторвать и за уши!

Есть любители вареников с варёной картошкой, с ягодами, вареньем, да с чем угодно....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.